

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Турсунова Рахиона Нусратилловна

Магистрант Термезского государственного университета

Аннотация: В статье проводится анализ произведений драматургов «шестидесятников», рассматриваются основные художественные аспекты их творчества, выявляются характерные индивидуальные черты, присущие пьесам. Целью настоящей работы было определение и исследование традиций творчества А.П. Чехова в драматургии периода «оттепели». Анализируется влияние произведений на развитие русского театра и формирование эстетического вкуса. При разборе используется метод сравнения и качественной характеристики, а также наблюдения творческого становления ведущих драматургов. Актуальность данной статьи определена в рассмотрении обобщенного ракурса советской драматургии в контексте драматургических традиций русского искусства.

Ключевые слова: символизм, смерть, прилагательные цвета, семантика.

Annotation: The article analyzes the works of playwrights of the "sixties", examines the main artistic aspects of their work, reveals the characteristic individual features inherent in the plays. The purpose of this work was to identify and study the traditions of A.P. Chekhov in the dramaturgy of the "thaw" period. The influence of works on the development of Russian theater and the formation of aesthetic taste is analyzed. The analysis uses the method of comparison and qualitative characteristics, as well as observation of the creative development of leading playwrights. The relevance of this article is determined in the consideration of a generalized perspective of Soviet drama in the context of the dramatic traditions of Russian art.

Keywords: symbolism, death, color adjectives, semantics.

Чехов в истории мировой драмы - прежде всего преобразователь. Все его связи, переключки с предшествующими драматургами и достижениями русской

литературы XX века традиционно осмысливаются в соответствии с этой новизной. Авторы, которым суждено произвести такой переворот, вводят сразу многие новшества, которые усваиваются массовой драматургией. Но, в первую очередь, они несут с собой общий взгляд на мир и на поведение человека в нём, именно то, что определяется в данной работе как «психологическое время».

Чеховедение представлено сегодня как фундаментальными трудами ведущих отечественных исследователей, среди которых Г.П. Бердников, Н.Я. Берковский, И.П. Видуэцкая, В.В. Ермилов, В.Б. Катаев, В.И. Кулешов, Э.А. Полоцкая, И.Н. Сухих, А.П. Чудаков и др., так и работами начинающих чеховедов. Научный интерес к наследию Чехова в новом веке не только не угасает, но усиливается и реализуется в поиске новых исследовательских направлений, теоретико-методологических подходов. Современное чеховедение нашло свое выражение в серии «Чеховиана», где с начала 1990-х гг. были представлены различные «направления и жанры чеховедения и различные грани того, что принято обозначать теперь как «мир Чехова». Сюда входят материалы к библиографии писателя и его творческой лаборатории, а также работы, освещающие судьбу чеховского наследия: посмертная история его произведений в их осмыслении наукой и интерпретации художественной практикой»

Одним из традиционных направлений чеховедения является установление творческих связей Чехова — прозаика и драматурга — с его предшественниками и современниками (с Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым, А.Н. Островским и др.). Так, В.Б. Катаев справедливо подчеркивает: «Рассматривая черты сходства, важно прийти к пониманию непохожести, неповторимости слова, сказанного Чеховым. От изучения связей, в которых Статьи, публикации, эссе. М., 1990. - С.5. отразилась целая литературная эпоха, следует идти к сознанию того, что в творчестве Чехова пережило его эпоху, перешагнуло национальные и временные границы и стало неотъемлемой частью общечеловеческих духовных ценностей»⁵. Литературные связи Чехова исследуются в трудах Г.П. Бердникова, Ф.И. Евнина, В.Б. Катаева, В.Я.

Лакшина, Н.И. Пруцкова, А.П. Скафтымова, И.Н. Сухих, В.Е. Хализева и др. В настоящее время продолжается изучение влияния Чехова на русскую литературу XX века.

В контексте нашей темы особый интерес представляют труды Г.П. Бердникова. В монографии «Чехов-драматург: традиции и новаторство в драматургии А.П. Чехова» ученый ставит перед собой задачу исследовать «проблему традиций и новаторства в чеховском театре», определить «его место в истории русской реалистической драматургии»⁶. Характеризуя драматургию Чехова, исследователь выявляет социально-психологическое своеобразие его героев: «Размышления героев являются, как правило, не отвлеченными рассуждениями, а их личными, интимными, лирическими переживаниями или теснейшим образом связаны с ними.

В другой работе «А.П. Чехов. Идеиные и творческие искания» Г.П. Бердников обращает внимание на такую особенность в изображении персонажей, когда через психологию героя выражается характерная черта времени: «Уже в первые годы творчества Чехову удалось создать несравненную галерею человеческих характеров, каждый из которых нес в себе какие-то признаки существенных сторон социальной жизни, а все вместе воспроизводили удивительную по масштабам и глубине картину быта и нравов А.Б. Есин в продолжение разговора о психологизме Чехова в сравнении с толстовским, сразу же констатирует: «Творчество Толстого подводит итог истории психологического романа XIX в. и представляет собой высшую точку развития психологизма в русской и мировой литературе - это общеизвестно и бесспорно. Но несомненно и то, что после Толстого психологизм также продолжал развиваться, порождая какие-то принципиально новые художественные явления. Одним из наиболее важных направлений такого развития явились резкие качественные изменения в изображении внутреннего мира человека, создание психологизма принципиально иного типа, чем у Толстого Первооткрывателем этой новой манеры психологического письма стал Чехов <.>»¹⁴. Статья А.Б. Есина имеет для нас принципиальное значение,

т.к. в ней речь идет о «чеховской системе психологизма»¹⁵. Говоря о прозе писателя, автор статьи замечает: «Чехов не мог, естественно, ограничиться изображением только внешних симптомов психологического состояния героев, но с помощью ряда приемов он сумел «замаскировать» прямое обращение к внутреннему миру, сделать свой психологизм скрытым, «разбросанность» штрихов, характеризующих психологическое состояние персонажа: «собственно психологическое изображение» перемежается деталями сюжета и предметного мира. Далее исследователь обращает внимание на разнообразие форм психологического изображения и многофункциональность используемых Чеховым приемов. «У всех этих форм одна и та же задача — воссоздать психологическое состояние героя, но внешне они весьма несхожи и поэтому на первый взгляд даже не связываются друг с другом, не осознаются как части единого целого. Такой прием разбивает впечатление авторской сосредоточенности исключительно на изображения внутреннего мира героя, нарушает некоторую монотонность длительного и непрерывного психологического анализа»¹⁷.

А.Б. Есин обращает внимание на принципиально новое свойство чеховского психологизма по сравнению с толстовским: если Толстой, по словам А.П. Скафтымова, «стремится охватить весь поток данного состояния», то Чехов старается, как отмечает А.Б. Есин, «найти и художественно воссоздать прежде всего доминанту внутренней жизни героев, передать ведущий эмоциональный тон, психологический настрой персонажа, воспроизвести внутренний мир человека не аналитически, а синтетически. Чехов как бы минуя стадию расчленения психики на ее составляющие, он сразу воссоздает ее во всей целостности»¹⁸. Исследователь выделяет такие особенности чеховского психологизма, как наличие «основного психологического тона ситуации», «общей психологической атмосферы» («И вот эту-то атмосферу, этот общий эмоциональный тон ситуации Чехов часто улавливает и передает с помощью "внешних" деталей»¹⁹); создание «эффекта сопереживания» (с использованием деталей-намёков, ритма — для передачи определенного

психологического рисунка). Наряду с этим А.Б. Есин подчеркивает: «В чеховскую систему психологизма естественно вошла такая уникальная форма психологического изображения, как умолчание о процессах. О психологическом изображении «нового типа» в творчестве Чехова пишет и А.П. Чудаков. Он выделяет такие особенности чеховского психологического изображения, как «мимический» психологизм (постепенно развившийся у Чехова «в необыкновенно изощренную технику»), «регистрация бессознательных жестов, движений, выражающих душевные переживания опосредованно, причем переживания смутные, неясные, трудноопределимые»; связь душевных переживаний с предметной сферой («Предметно-психологическая деталь сосредоточивает переживание в одной и пр. А.П. Чудаков уделяет внимание «непрямому способу изображения внутреннего», тому, что «позже назовут чеховским настроением». Автор статьи касается психологического изображения персонажей и в драмах Чехова: «В 90-е годы сравнение душевных движений с движениями предметов физических получает у Чехова дальнейшее развитие, проникает в драму. .»

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 149.
2. Бельская Л. Л. Песенное слово: поэтическое мастерство С. Есенина. М.: Просвещение, 1990
4. Шойназарова, Вазира Хушбаковна, and Сабохат Мамашукурова. "О ПЕРЕВОДЕ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ НА РУССКИЙ И УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК." *Гуманитарный трактат* 38 (2018): 14-15.
5. Shoynazarova, Vazira Khushbokovna, and Husniddin Bahritdinovich Ruziev. "Teaching english to young learners." *Иностранные языки в Узбекистане*,(3) (2019): 64-71.
6. Алаудинова Д. Theoretical approach of oral communication competency //Общество и инновации. – 2022. – Т. 3. – №. 3/S. – С. 147-151.
7. Technology Of Teaching Languages AD RustamovnaJournalNX, 180-183, 2020